

11-20 (24-го) іюля 1904 з. № 99.

РУССКАЯ ПРАВДА

О ЧЕХОВѢ.

(Отрывки воспоминаний).

Чеховъ умеръ. Москва схоронила Чехова.

Не стало лучшаго изъ современныхъ писателей; не стало добраго, симпатичнаго и благороднаго человѣка.

И мечтой уносимся въ прошлое, и перо безсвязно заноситъ на бумагу отрывки воспоминаний.

Я не претендую въ нихъ на характеристику Чехова; лучшая характеристика Чехова—это рядъ прекрасныхъ вещей, если можно такъ выразиться, съ застѣнчивой нѣжностью подаренныхъ имъ русской литературѣ.

Я печатаю их потому, что, быть может, они лишней раз оживят перед глазами читателя образ того человека, потеря которого—великое, неисчислимое горе для всех нас, его знавших и его незнавших, для литературы, для жизни.

* * *

Как делал Чехов свои первые шаги по пути литературных успехов? Однажды я спросил у Чехова:

— Скажите, как вы начали работать в «Новом Времени»?

— А видите-ли, кое-какие из моих «повеселюшечек» «Петербургской Газеты» обращали на себя внимание в Петербурге. И вот, когда в «Петербургской Газете» появился мой «Егерь», рассказывают, что Григорьевич поехал к Суворину и начал говорить: «Алексей Сергеевич, приглашайте же Чехова! Прочтите его «Егерь»! Грех его не пригласить!» Суворин написал Куренину (А. Д. Куренин вел тогда московский фельетон в «Новом Времени» и отлично знал Чехова по «Будильнику», в котором они вместе работали уже более пяти лет), а Куренин пригласил меня и торжественно, важно объявил мне, что меня «зовут» в «Новое Время»!

И Чехов добавлял юмористически:

— И даже дал пару советов, что и как написать! Первый рассказ, который я напечатал в «Новом Времени», был «Панихида». Он шел не в фельетон, а выше, над фельетоном. Кажется, мы открылись ряд «субботников» в «Новом Времени», беллетристических вещей, печатавшихся в газете под таким заголовком по «субботам».

— Я знаю это. Я читал все «субботники». А скажите, почему все рассказы в «Петербургской Газете» вы подписываете псевдонимом «А. Чехонте», а «Панихиду» вы подписали «Антон Чехов»?

— Я и «Панихиду» подписал псевдонимом «Чехонте», но редакция «Нового Времени» телеграммой просила у меня разрешения поставить под рассказом фамилию. Я разрешил. Позже Суворин писал мне о том же. Сказать по правде, тогда я жалел, что так вышло.

— Почему?

— Да, видите ли, я подумывал кое-что напечатать в медицинских журналах, так и хотел оставить фамилию для серьезных статей.

Я замазал руками и размазался.

— Полноте, какие там медицинские журналы!

— Ишь, серьезно!—улыбнулся Чехов.

Я прочел где-то, что Чехов «забросил медицину» и всецело отдался литературной деятельности.

Ну, конечно, он не был практикующим врачом.

Но он не забрасывал медицины.

Я жила у него в восьмидесятых годах на даче близ Воскресенска; в то время Чехов два-три дня в неделю был связан срочной журнально-газетной работой; но в свободные дни, в определенные часы, у него был прием больных, и окрестные мужики приходили и приносили за советом к Чехову. Лечил он их бесплатно.

То же самое было и в его собственном «Мелихов», куда он переселился из Москвы. С той разницей, что, несвязанный срочной работой, он, кажется, еще больше времени, чем на даче под Воскресенском, посвящал бесплатному лечению крестьян.

В сорок восьмидесятых годов он рассказывал мне несколько особенно характерных случаев из его медицинской практики в Москве. Больше всего и чаще всего он лечил бедных и бедствующих из литературной братии, различных газетных поэтов и романистов, которые шли к «Антону», «Антону» или «Антону Павловичу» так же просто, как ходят в бесплатную лечебницу для приходящих больных. Зная его безграничную доброту, с ним не стеснялся. Один из газетных романистов, умерший лет восемь назад Р—ль, однажды протиснул его чуть не через половину Москвы лечит горничную меблированных комнат, в которых он обитал, едва ли не от головной боли.

Но порой Чехову приходилось бдить с визитом и к знакомым людям; на парадной двери его квартиры в дом Коритова, на Садовой, близ Кулдина, висела карточка: «Антон Павлович Чехов, врач».

* * *

Григорьевич очень тепло относился к Чехову, и Чехов, как известно, первый соборник своих юмористических рассказов—«В сумерках» посвятил Григорьевичу.

Получив от Чехова сборник «В сумерках», Григорьевич прислал Чехову письмо, в котором размышлял очень много похвал по адресу молодого автора.

В этом письме, прочтенном мной Чеховым, было одно очень яркое место.

Григорьевич писал, что, читая чеховский сборник, он вспоминал свое путешествие по югу Европы (кажется, по Испании). Во время какого-то праздника он брал по улиц, а на улице с высоты балконов смотрели тысячи нарядных женщин. И когда он стал отбывать среди них престестный лица, лица поразительной красоты, он скоро бросил это занятие, потому что красавиц было безконечно много, потому что он встречался на каждом шагу. Читая «В сумерках», он тоже вздумал отбывать красивые места, интересные сравнения, блестящие фразы. И тоже бросил это занятие, потому что красивых мест, оригинальных сравнений было безконечно много.

Через год или два Григорьевич напечатал в «Русской Мысли» рассказ, ставший особняком от всех его прежних произведений.

Чехову рассказ очень понравился, но, когда Чехов спросил мое мнение о рассказе, я сказал, что мне рассказ понравился скучноватым и ничего особенного, считаясь с талантом Григорьевича, не представляющим.

Чехов не соглашался.

— Ишь, ишь, это превосходная вещь! Быть может, лучшая из всего написанного Григорьевичем. В его первых вещах было много слащавого, и его юмор, между нами, представляется мне мало удачным юмором, но это—это превосходная вещь! Сильная вещь!

Чехов написал Григорьевичу обширное, листов на пять, письмо о рассказе. С особенной похвалой он отнесся к тонко нарисованному Григорьевичем ощущению спящего человека, которому холодно, и вспоминал, что, когда с него, сонного, спадет одеяло, он видит сны приблизительно того же рода, что видит герой Григорьевича.

Письмо было очень интересно, как большинство писем Чехова.

* * *

Удивительная скромность Чехова была уже отмечена не раз.

Когда Л. Е. Оболенский напечатал в принадлежащем ему в то время «Русском Богатстве» известную статью—«Чехов и Короленко», в которой очень одобрял Чехова, а о Короленке писал, что он едва-ли заслуживает тех похвал и восторгов, которые рассыпают по его адресу весьма неумеренно, мы, в очень

тесном кружке, заговорили об этой статье.

Один из присутствовавших сказал, что совершенно согласен с Л. Е. Оболенским во взгляде на Короленку; у Короленки есть две-три превосходных вещи, а остальное надумано, тенденциозно и в художественном отношении совсем невысоко.

Чехов замахал руками.

— Ну, полноте! Ведь, почему Оболенский меня хвалит, а Короленку бранит? Ведь, на это же есть причина!

— Какая?

— Оболенский—страстный поклонник Толстого. Я недавно напечатал в «Новом Времени» «толстовский» рассказ, а Короленко написал кое-что против «толстовства»—вот и попал в немилость. Ведь, это же ясно! Я так на это и смотрю!

* * *

Приблизительно за год до написания «Стени» между Михайловским и Чеховым произошел «инцидент», который хорошо рисует и известную «прямолинейность» покойного вождя либералов и известную привязанность Чехова к «Новому Времени», которому, как известно, впоследствии он изменил.

— Вчера получил любопытное письмо от Михайловского,—сказал мне однажды Чехов.

— Что же он вам пишет?

— А пишет он мне, что, во-первых, возлагает на меня надежды, во-вторых, что мне следует бросить маленькие рассказы, переходить к крупным по размаху вещам и печататься в толетых журналах, а в-третьих, что мне непременно следует бросить «Новое Время» и прекратить всякую работу у Суворина.

Чехов помолчал и добавлял:

— Последнее меня разозлило.

— Вы уже ответили Михайловскому?

— Да.

— Что?

— Я написал и разослал несколько писем. Последнее где-то здесь.

Чехов наклонился к корзине с рваной бумагой и взял сверху надорванное письмо; письмо было особенно интересно в той части, которая относится до «Нового Времени». Я хорошо помню это место.

Чехов сообщал Михайловскому, что не чувствует никакой антипатии к «Новому Времени», но если бы и чувствовал, не затруднился бы печататься там, потому

что слишком многим обязан Суворину, чтобы уходить от него: когда он был слаб и неизлечим и страстно карабкался вверх, никто не протянул ему руки, никто не пришел к нему на помощь:—это сделал только Суворин.

Прочтя письмо, Чехов добавлял с досадой:

— Далось мне «Новое Время»! Ведь, поймите же, тут может быть такой расчет (я не могу вспомнить, включил этот расчет Чехов в письмо к Михайловскому или нет): у газеты 50,000 читателей; я говорю не о «Новом Времени», а вообще о газете; этим пятидесяти, сорока, тридцати тысячам гораздо полезнее прочитать в фельетоне 500 моих безвредных строк, чем в 500 вредных, которые будут идти в фельетон, если своих я не дам!). Ведь, это же ясно! Поэтому я буду писать рьятельно в каждой газете, куда меня пригласят...

Чехов подумал и добавлял:

— Кроме трех. В России есть три отвратительных газеты, в которых я не стал бы писать ни в каком случае.

— Какія?

Чехов назвал три газеты: две московских и одну петербургскую.

При следующей встрече я спросил у Чехова:

— Михайловский ответил на ваше письмо?

— Да. Очень кратко.

— Что именно?

— Он ответил: «Антон Павлович, вы служите злу!»

* * *

При всей деликатности и мягкости, Чехов умел как-то спокойно, добродушно, но, вместе с тем, твердо ставить на свое место зарывавшихся лиц.

Однажды я был свидетелем такой сцены в кабинете Чехова.

У него сидел большой его приятель, человек немножко причастный к литературе, надвигавший многими добродетелями, кроме такта, и молодой беллетрист Н. Н.

— Гм... так вы работаете у Л—на?—спросил чеховский приятель беллетриста.

— Работают!—скромно ответил беллетрист.

*) В этих мыслях Чехова есть любопытное сходство с недавним обнародованным мнением графа Л. Н. Толстого по тому же вопросу. Впрочем, кажется, это—старое мнение Л. Н. Толстого, и Чехов мог его знать.

— А я бросаю. Ну его к чертям! Чехов помирился.

Минут пять поговорили о посторонних вещах.

— Так работаете, значит, у Л—на и сейчас?—не унялся чеховский приятель.

— Да, да, работаю,—сконфуженно повторил беллетрист.

— А я его к чертям послал! Я бросаю.

Свертывавший напроску Чехов повернулся к приятелю и сказал спокойно:

— Дорогой мой, Н. Н. талантливый человек и пишет отличные вещи, а тебе литература могла дать раз в пятнадцать копеек в месяц. Прекрасно сделал, что бросил!

Мне показалось, что приятель Чехова сконфузился; сконфуженным и его видят в первый и последний раз.

Как-то летним вечером, в половине восьмидесятых годов, я жил в маленьком тарантасике, вместе с Чеховым, на его дачу, близ Воскресенска; от станции желзной дороги до дачи, помнится, было верст около двадцати.

Дорогою Чехов рассказывал мне сюжет романа, который он в то время собирался писать (известно, что он несколько раз в своей жизни собирался писать роман).

Первая глава начиналась по-чеховски, очень оригинально.

— Представьте тихую железнодорожную станцию в степи,—рассказывал он.—Недалеко жили вдовы-генеральши. Ясный вечер. К платформе подошли поезд с двумя паровозами. Затем, постояв на станции минут пять, поезд уходит дальше с одним паровозом, а другой паровоз трогается и тихо-тихо подкатывает к платформе один товарный вагон. Вагон останавливается. Его открывают. В вагон гроб с телом единственного сына вдовы-генеральши...

Я вспоминал эту сцену, когда нагонял с телом Чехова только не в ясный вечер, а в хмурое утро тихо-тихо приближался к платформе николаевская вокзала, и сердце мое сжала тоска.

— Бедная русская литература, потерявшая своего лучшего сына! Ты должна утешиться, как не утешалась ты написанным романом Чехова оспротившая мать...

А. Грузинский.

Комментарий

Через год или два Григорович напечатал в «Русской Мысли» рассказ, стоявший особняком от всех его прежних произведений. Чехову рассказ очень нравился... – речь рассказе «Сон Карелина» («Русская Мысль», 1887, кн. 1).
См. письмо Чехова Григоровичу от 12 февраля 1887 г.